

Сеченов Иван Михайлович

Элементы мысли

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
И17

И17 **Иван Михайлович С.**
Элементы мысли / Сеченов Иван Михайлович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 127 с.

ISBN 978-5-519-73401-1

ISBN 978-5-519-73401-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Явно, что мышленіе взрослого представляет или производныя формы дѣтскаго мышленія — болѣе высокія ступени развитія тѣхъ же самыхъ процессовъ, или въ основѣ его лежатъ нѣкія дѣятельности и нѣкія силы, чѣмъ у ребенка. Во всякомъ же случаѣ, будучи несравненно болѣе сложнымъ по формамъ, оно никоимъ образомъ не можетъ служить исходнымъ матеріаломъ для изученія мысли, какъ процесса.

Такое изученіе должно неизбѣжно начинаться съ исторіи возникновенія дѣтской мысли изъ чувствованія или вообще предметной мысли изъ ощущенія.

Къ такому выводу приводитъ насъ не только естественный ходъ развитія мыслительныхъ актовъ у человѣка, но и то мудрое правило, усвоенное естествознаніемъ, въ силу котораго натуралистъ начинаетъ изучать рядъ родственныхъ явленій съ формъ болѣе простыхъ по своему содержанію или болѣе ясныхъ по условіямъ своего развитія. Начинать съ естественнаго начала слѣдуетъ даже въ томъ случаѣ, если бы впослѣдствіи оказалось, что типъ развитія мысли изъ чувствованія неприменимъ къ позднѣйшимъ, болѣе совершеннымъ формамъ мышленія.

2. Нѣтъ сомнѣнія, что такой взглядъ на вещи издавна раздѣлялся многими мыслителями самыхъ разнообразныхъ философскихъ школъ; но до второй половины прошлаго столѣтія онъ не могъ привести ни къ какому практическому результату, и ученіе о мышленіи было осуждено цѣлыя вѣка развиваться исключительно на готовыхъ образчикахъ мысли, воплощенной въ слово. Оно изучалось, другими словами, съ середины, а не съ своего естественнаго начала; притомъ не по исходнымъ или основнымъ формамъ, а по образцамъ вторичнымъ, производнымъ.

Причина этому слѣдующая.

Какъ ни естественно думать, что начинать изученіе слѣдуетъ съ дѣтскаго мышленія, по чтобы дѣйствительно изучать вопросъ такимъ образомъ, нужно знать его корень — чувствованіе или систему исходныхъ ощущеній. Знать же ихъ при помощи однихъ наблюденій надъ дѣтьми нѣтъ никакой возможности, а въ сознаніи у взрослого — ощущеній въ дѣтской элементарной формѣ уже нѣтъ.

Понятно, что при этомъ условіи исходныя формы мысли по необходимости должны были оставаться закрытыми для мыслителей — до тѣхъ поръ, пока анатомія и фізіологія не выяснили строенія и отправленій различныхъ частей, входящихъ въ составъ чувствующихъ снарядовъ нашего тѣла.

Теперь, благодаря успѣхамъ анатоміи и фізіологіи органовъ чувствъ, благодаря, въ особенности, трудамъ великаго пѣмцакаго

физиолога Гельмгольца, затрудненій въ этомъ направленіи не существуетъ болѣе. Для того, кто знакомъ, напрямѣръ, съ анатоміей и физиологіей зрительнаго аппарата, нѣтъ никакой нужды въ наблюденіяхъ надъ дѣтьми, чтобы знать составъ элементарныхъ (т.-е. исходныхъ) зрительныхъ ощущеній—составъ этотъ вытекаетъ, такъ сказать, логически, самъ собой изъ анатомическихъ и физиологическихъ данныхъ глаза.

Значитъ, теперь мы дѣйствительно имѣемъ возможность изучать мышленіе съ его естественнаго начала.

3. Другимъ, не менѣе важнымъ успѣхомъ въ вопросѣ о мышленіи, или объ умственномъ развитіи человѣка вообще, мы обязаны трудамъ знаменитаго англійскаго мыслителя Герберта Спенсера. Благодаря его гипотезѣ о преемственности нервно-психическаго развитія изъ вѣка въ вѣкъ, и только благодаря ей, открылась, наконецъ, для ума возможность рѣшить съ удовлетворительной ясностью вѣковой философскій споръ о развитіи вѣлаго мышленія изъ исходныхъ дѣтскихъ формъ, или, что то же, рѣшить вопросъ о *развитіи осега мышленія изъ чувствованій*. Ему же мы обязаны установленіемъ, на основаніи очень обширныхъ аналогій, общаго типа умственнаго развитія человѣка, и доказательствомъ того, что путь эволюціи мышленія долженъ оставаться неизмѣннымъ на всѣхъ ступеняхъ развитія мысли.

Такъ какъ въ основу нашего очерка положено ученіе Спенсера, то первой нашей задачей и должно быть изложеніе главныхъ положеній этого ученія. Но приступать къ этому прямо было бы крайне невыгодно. Смыслъ гипотезы Спенсера выступаетъ особенно рельефно только при условіи, если она сопоставлена съ предшествовавшими ей по времени философскими воззрѣніями на психическое развитіе человѣка, и именно съ воззрѣніями двухъ исторически-извѣстныхъ школъ «сенсуалистовъ» и «идеалистовъ», потому что ученія эти, какъ крайности, очевидно резюмируютъ собой всѣ серединныя мнѣнія, лежащія между ними, т.-е. всѣ вообще мыслимыя воззрѣнія на предметъ. Однако, и эти историческіе памятники требуютъ для своего разумнѣя предварительнаго знакомства съ тѣми основными чертами развивающейся мысли, которыя, будучи во всѣ времена открыты наблюденію, уже издавна стали достояніемъ эмпирической психологіи и легли въ основу какъ сенсуалистическаго, такъ и идеалистическаго ученія. Съ нихъ мы и начнемъ.

4. Какъ ни велика съ виду пропасть между мыслью взрослого и ребенка со стороны ея объектовъ, но между ними всегда признавалось тѣсное родство по строенію. Воплощаясь въ слово, та и другая всегда принимаютъ одну и ту же форму, основной типъ ко-

торой известенъ всякому изъ трехчленнаго предложенія. Благодаря неизмѣнности этой формы у людей разныхъ возрастовъ, разныхъ эпохъ и степеней развитія, намъ одинаково понятны размышленія дикаря и ребенка, мысли нашихъ современниковъ и предковъ. Благодаря тому же, въ жизни человѣчества существуетъ преемство мысли, тянущееся черезъ цѣлые вѣка *).

Значитъ, со стороны вѣшной формы мысль является продуктомъ столь же постояннымъ, какъ любое жизненное явленіе, въ основѣ котораго лежитъ опредѣленная организація. Другими словами, *въ мысли, какъ процессъ или рядъ жизненныхъ актовъ, должна существовать общія сторона, независящая отъ ея содержанія.*

Эту сторону легко даже облечь въ общую формулу, если признать на время (впослѣдствіи это будетъ строго доказано) подлежащее и сказуемое въ трехчленномъ предложеніи равнозначными другъ другу въ психологическомъ отношеніи и обозначить то и другое словами «объекты мысли». Тогда всякую мысль, какого бы порядка она ни была, можно разсматривать—

какъ сопоставленіе мыслимыхъ объектовъ другъ съ другомъ въ какомъ-либо отношеніи.

При такомъ взглядѣ на дѣло, если проанализировать возможно большее число словесныхъ образовъ мысли, то оказывается, что со стороны объектовъ она можетъ быть до чрезвычайности разнообразна, но далеко не отличается такимъ же разнообразіемъ со стороны отношеній, въ которыхъ объекты сопоставляются одинъ съ другимъ.

Первая половина этого положенія не требуетъ разъясненій. Стоитъ только припомнить, что объекты для мысли человѣкъ беретъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ: всего вѣшняго міра, отъ песчинки до вселенной, и всего внутренняго міра (міра сознанія) не только собственнаго, но и цѣлаго человѣчества. Вторая же половина нашего положенія выясняется изъ слѣдующаго.

Если брать на выборъ любыя мысли изъ области предметнаго мышленія и сопоставлять ихъ съ мыслями изъ сферы чисто-умственныхъ и моральныхъ отношеній или даже съ мыслями изъ вѣщно-чувственной области, то оказывается, что во всѣхъ этихъ болѣе высокыхъ сферахъ нѣтъ ни единого отношенія между объектами мысли, котораго не встрѣчалось бы въ предметномъ мышленіи. Какъ будто человѣкъ, пройдя первоначальную школу знакомства съ вѣшнимъ

*) Иногда приходится, правда, читать и слышать, что мысль способна прогрессировать; но это не значитъ, что съ развитіемъ человѣчества прогрессируетъ форма мысли; она остается, наоборотъ, неизмѣнной, а разрастается лишь горизонтъ мыслимыхъ объектовъ и частныхъ отношеній между ними, путемъ изощренія орудій наблюденія и путемъ расширенія сферы возможныхъ сопоставленій.

міромъ, переносить изученныя имъ здѣсь предметныя связи, зависимости и отношенія на новыя объекты, несмотря на то, что на своемъ настоящемъ мѣстѣ они (т.-е. эти связи и отношенія) всегда имѣютъ въ глазахъ человѣка смыслъ реальностей, а въ перенесеніи получаютъ смыслъ только условный или фигуральный.

Каково бы ни было объясненіе этого факта, но онъ многозначителенъ въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, онъ указываетъ на *тѣсное родство мыслей разныхъ порядковъ не только со стороны общаго типа ихъ строенія, но и со стороны отношеній, въ которыхъ объекты сопоставляются другъ съ другомъ*, т.-е. со стороны элемента сдѣла ли не самаго важнаго въ мысли, такъ какъ имѣю и опредѣляется тотъ характеръ ея, изъ-за котораго мысль считается разсудочнымъ актомъ.

Во-вторыхъ—на *возможность изученія всѣхъ мыслимыхъ человѣкомъ отношеній въ первоначальной школѣ предметнаго мышленія, илюющаго корни несомненно въ чувствованіи*.

Изъ сравнительно меньшаго разнообразія предметныхъ отношеній вытекаетъ далѣе, что хотя всѣ вообще составные элементы словесной мысли допускаютъ распредѣленіе или классификацію по группамъ, но отношенія, въ которыхъ объекты мысли сопоставляются другъ съ другомъ, обладаютъ этимъ свойствомъ въ наибольшей степени. Такъ, въ настоящее время признаютъ собственно три главныхъ категорій отношеній—*сходство, сосуществованіе и послѣдованіе*—соотвѣтственно тому, что въ мысли объекты являются только въ трехъ главныхъ формахъ сопоставленія: какъ члены родственныхъ группъ, или классификаціонныхъ системъ, какъ члены пространственныхъ сочетаній и какъ члены преемственныхъ рядовъ во времени.

Это обстоятельство во всякомъ случаѣ указываетъ на то, что изъ всѣхъ органическихъ основъ мысли тѣ, которыя соотвѣтствуютъ актамъ сопоставленія объектовъ мысли другъ съ другомъ, должны быть по существу наиболѣе однородными.

Четвертый, столько же безспорный фактъ, открываемый наблюденіемъ, касается извѣстной прогрессивной послѣдовательности въ ходѣ мышленія у человѣка отъ дѣтства къ зрѣлости. Эту сторону называютъ очень мѣтко и справедливо умстvenнымъ развитіемъ человѣка. По своему чисто-внѣшнему характеру оно заключается въ умноженіи числа мыслимыхъ объектовъ, съ вытекающимъ отсюда увеличеніемъ числа возможныхъ сопоставленій между ними (хотя бы общія направленія сопоставленій и оставались неизмѣнными), и въ такъ-называемой идеализаціи или символизаціи объектовъ мышленія.

Первый пункт очевиденъ. Для этого стоитъ только сравнить между собой по объектамъ узенькую сферу мышленія ребенка съ умственнымъ содержаніемъ взрослого. Увеличеніе числа возможныхъ сопоставленій съ умноженіемъ числа объектовъ тоже не требуетъ разъясненій. Общій же смыслъ символизаціи опредѣляется слѣдующимъ.

Въ первую пору развитія ребенокъ мыслить только предметными индивидуальностями—данной елкой, данной собакой и т. п. Позднѣе онъ мыслить елкой, какъ представителемъ известной породы деревьевъ, собакой вообще и проч. Здѣсь объектъ мысли уже удалился отъ своего первообраза, пересталъ быть умственнымъ выраженіемъ индивидуума, превратившись въ символъ или знакъ для группы родственныхъ предметовъ. Съ дальнѣйшимъ расширеніемъ сферы сравненія по сходству, объектами мысли являются «растеніе», «животное»—группы несравненно болѣе обширныя, чѣмъ «ель» и «собака», но выражаемыя попрежнему единичнымъ (хотя и другимъ) знакомъ. Понятно, что при такомъ движеніи мысли объекты ея должны принимать все болѣе и болѣе символическій характеръ, удаляющій ихъ отъ чувственныхъ конкретовъ.

Но это еще не единственный путь развитія мысли. Другое направление его опредѣляется дробленіемъ конкретовъ на части или умственнымъ выдѣленіемъ частей изъ цѣлаго. При этомъ каждая выдѣленная часть индивидуализируется, приобретаетъ право на отдѣльное существованіе и получаетъ опредѣленный знакъ. Тамъ, гдѣ умственное выдѣленіе части совмѣстимо съ физическимъ дробленіемъ, первое можетъ и не имѣть символическаго значенія (когда говорится, напримѣръ, о *данной* части, выдѣленной изъ даннаго индивидуальнаго предмета); но какъ только этого условія не существуетъ или если выдѣленная часть употребляется въ смыслъ родового знака для группы соответствующихъ частей, значеніе ея будетъ опять символическое; точно такъ же если дробленіе заходитъ за чувственные предѣлы.

Третье направленіе развивающейся мысли опредѣляется воссоединеніемъ разединенныхъ частей въ группы, въ силу ихъ сосуществованія и послѣдованія. Насколько эта сочетательная дѣятельность ведетъ за собой образованіе символическихъ продуктовъ, видно изъ нашей способности мыслить такими вещами, какъ часъ, день, годъ, столѣтіе, песокъ, ландшафтъ, Европа, земной шаръ, вселенная и проч.

Сумма всѣхъ подобныхъ превращеній, обязательная для всѣхъ сферъ мышленія, начиная съ предметнаго, составляетъ то, что можно назвать вообще *переработкой исходнаго чувственнаго или умственнаго матеріала въ идейномъ направленіи*.

Вотъ тѣ коренныя черты мыслительныхъ актовъ, которыя съ давнихъ поръ открывалъ для изслѣдователя анализъ словесныхъ образовъ мысли, при помощи сравнительно простыхъ психологическихъ наблюденій,—черты, которыми воспользовались столь различно сенсуалисты и идеалисты.

5. Первые отпеслись къ перечисленнымъ даннымъ психологическихъ наблюденій, такъ сказать, непосредственно.

Въ жизни каждого порожденного человѣка изъ вѣка въ вѣкъ существуетъ періодъ полнаго отсутствія всякихъ (даже чувственныхъ) проявленій въ сферѣ высшихъ органовъ чувствъ. За нимъ наступаетъ пора воспріятія чувственныхъ впечатлѣній этими именно путями, по безъ всякихъ осмысленныхъ реакцій со стороны ребенка, которыя указывали бы на развитіе въ немъ идейныхъ состояній. Черезъ этотъ домыслительный періодъ проходитъ и проходить всякій изъ насъ: слѣдовательно, въ каждомъ человѣкѣ въ отдѣльности и въ человѣчествѣ вообще умственное развитіе начинается съ нуля (?) и проходитъ непременно черезъ фазисъ чувственности. Въ этотъ періодъ жизни внѣшній міръ доставляетъ матеріалъ чувству, а переработка его въ чувственные продукты сознанія совершается при посредствѣ развивающейся природной чувственной организаціи человѣка.

На дальнѣйшей ступени развитія чувственный продуктъ переходитъ въ предметную мысль, но факторы въ этомъ превращеніи остаются, по ученію сенсуалистовъ, прежніе. Внѣшній міръ не есть простой агрегатъ предметовъ; они даны рядомъ съ предметными отношеніями, связями и зависимостями. Выясненіе послѣднихъ въ чувственномъ воспріятіи и составляетъ суть превращенія чувствованія въ предметную мысль. Какъ продуктъ опыта, мысль всегда предполагаетъ рядъ жизненныхъ встрѣчъ съ воспринимаемымъ предметомъ при разныхъ условіяхъ воспріятія. Отъ этого чувственный продуктъ становится разнообразнымъ по содержанію, способнымъ распадаться на части при сравненіяхъ, группироваться общими сторонами съ другими продуктами и вообще развиваться. По мѣрѣ умноженія числа жизненныхъ встрѣчъ продукты чувственного опыта стапоятся все болѣе и болѣе разнообразными и рядомъ съ этимъ умножаются условія какъ распадаенія ихъ на части, такъ и группировки въ системы.

Тѣ же самыя процессы переносятся сенсуалистами съ первичныхъ продуктовъ на всѣ производные и такимъ образомъ вся предметная цѣпь умственныхъ развитій сводится на повтореніе дѣятельностей, которыя лежатъ въ основѣ чувственныхъ превращеній.

Не признавая въ человѣкѣ никакой организаціи помимо *чувствен-*

ной, они считаютъ воздѣйствія изъ внѣшняго міра, съ его предметными отношеніями и зависимостями, единственнымъ источникомъ мысли и по содержанию, и по формѣ. Для нихъ вся разсудочная сторона мысли опредѣляется не умомъ человѣка или какой-либо вѣдущей организацией его природы, а предметными отношеніями и зависимостями внѣшняго міра. Для этой школы мысль есть не что иное, какъ развившееся путемъ разнообразной группировки элементовъ ощущеніе.

Совсѣмъ иначе приступаютъ къ дѣлу идеалисты. Выходя изъ мысли, что внѣшній міръ воспринимается и познается нами посредственно, они считаютъ всю разсудочную сторону мысли не отголоскомъ предметныхъ отношеній и зависимостей, а прирожденными человѣку формами или законами воспринимающего и познающего ума, который совершаетъ всю работу превращенія впечатлѣній въ идейномъ направленіи и создаетъ такимъ образомъ то, что мы называемъ предметными отношеніями и зависимостями *). У сенсуалистовъ главнымъ опредѣлителемъ умственной жизни является внѣшній міръ со всѣмъ разнообразіемъ его отношеній и зависимостей, а у идеалистовъ—прирожденная человѣку духовная организація, дѣйствующая по своимъ собственнымъ опредѣленнымъ законамъ и облакающая самый внѣшній міръ въ тѣ символическія формы, которыя зовутся впечатлѣніемъ, представленіемъ, понятіемъ и мыслью.

Научная несостоятельность обѣихъ системъ въ настоящее время очевидна.

Сенсуализму всегда недоставало данныхъ для опредѣленія свойствъ и границъ чувственной организаціи; поэтому сведеніе на нее явлений ассоціаціи, воспроизведенія и сознанія какъ чувственныхъ продуктовъ, такъ и производныхъ отъ нихъ идейныхъ состояній, обойти которыя было невозможно, никогда не имѣло въ рукахъ послѣдователей этой школы какихъ-либо прочныхъ научныхъ основаній.

Столько же неосновательно было, однако, и ученіе идеалистовъ. Первый ихъ грѣхъ заключался въ томъ, что, наперекоръ всякой очевидности, они старались вывести всю психическую жизнь человѣка изъ дѣятельности одного только фактора—духовной организаціи человѣка, оставляя другой, т.-е. воздѣйствія павнѣ, совсѣмъ въ сторонѣ за невозможностью ихъ непосредственнаго познанія. А между тѣмъ кто же рѣшится теперь утверждать, что внѣшній міръ не имѣетъ существованія помимо сознанія человѣка и что неисчер-

*) Крайній предѣлъ подобныхъ воззрѣній составляетъ общеплѣменная мысль Фихте, по которой самый внѣшній міръ есть не что иное, какъ порожденіе нашего „Я“.

паемое богатство присущих ему дѣятельностей не служило, не служило и не будет служить матеріаломъ для той безконечной цѣпи мыслительныхъ актовъ, изъ которыхъ создалась наука о вѣншемъ мірѣ? Другой грѣхъ идеалистовъ въ томъ, что они обособляютъ субъективные факторы, участвующие въ психическомъ развитіи, въ особую категорію дѣателей, отличныхъ отъ всего земного не только со стороны познаваемости, но и со стороны свойствъ. Какъ будто кто-нибудь изъ нихъ пробовалъ выводить психическую дѣятельность изъ всѣхъ извѣстныхъ земныхъ началъ и, только истощивъ всѣ усилія въ этомъ направленіи, вынужденъ былъ признать за психическими факторами совершенно особую природу. Съ этой стороны идеалистическія воззрѣнія во всякомъ случаѣ преждевременны.

Понятно, что въ исторіи разбираемаго нами философскаго вопроса на ряду съ представителями крайнихъ ученій должны были встрѣчаться мыслители, державшіеся серединныхъ мнѣній, т.-е. люди, не впадавшіе въ крайности антагонистическихъ школъ. Но пока споръ держался исключительно на почвѣ чистыхъ умозрѣній и традиціонной философской діалектики, примиреніе крайнихъ мнѣній было невозможно. Существовали лишь попытки согласить, уравнять кричащія противорѣчія обѣихъ школъ путемъ подысканія отдѣльныхъ примѣровъ, согласимыхъ съ тѣмъ или другимъ ученіемъ; но недоставало твердо установленныхъ началъ, въ силу которыхъ всѣ основныя разпорѣчія сгладились бы сами собой. Такія начала дала біологическая наука повѣйшаго времени, а примѣненіе ихъ къ нашему вопросу составляетъ высокую заслугу Герберта Спенсера.

6. Постараюсь передать сначала въ возможно сжатой формѣ самую суть его ученія.

Психическія дѣятельности составляютъ одну изъ сторонъ, одно изъ проявленій животной органической жизни въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ строеніе организмовъ и физиологическія отправления ихъ тѣла.

Эти три стороны, характеризующія животный организмъ, не только всегда даны вмѣстѣ, но и стоятъ всегда въ извѣстномъ соотношеніи другъ съ другомъ, измѣняясь въ ряду животныхъ параллельно другъ другу по степени сложности, разнообразія и определенности ихъ частныхъ проявленій. Необходимость такого соотношенія вытекаетъ уже изъ того, что въ жизненныхъ актахъ, которыми обезпечивается существованіе организмовъ, всѣ три стороны (организмъ, тѣлесная жизнь и психическія дѣятельности) кооперируются какъ факторы, слѣдовательно, ихъ дѣятельности должны быть, такъ или иначе, согласованы другъ съ другомъ.

Но если всё три стороны органической жизни посять на себя характеръ параллелизма отъ одного вида животныхъ къ другому, то, допустивъ на минуту, что одной изъ сторонъ, напримеръ, хоть строеніемъ тѣла, все животное царство представляетъ не что иное, какъ преемственный рядъ совершившихся нѣкогда превращеній или развитій одной формы въ другую,—выходило бы, что и двѣ другія стороны органической жизни представляютъ не что иное, какъ результаты параллельныхъ превращеній или развитій соответствующихъ имъ субстратовъ. Другими словами, эволюція всѣхъ трехъ сторонъ—формы, тѣлесныхъ и психическихъ отпращиваній—шла бы въ животномъ царствѣ параллельно другъ другу.

Великое ученіе Дарвина «о происхожденіи видовъ» поставило, какъ извѣстно, вопросъ объ эволюціи или преемственномъ развитіи животныхъ формъ на столь осязательныя основы, что въ настоящее время огромное большинство натуралистовъ держится этого взгляда.

Этимъ самымъ то же самое огромное большинство натуралистовъ поставлено въ логическую необходимость признать въ принципѣ и эволюцію психическихъ дѣятельностей.

Гипотеза Спенсера по своей сущности можетъ быть названа дарвинизмомъ въ области психическихъ явленій. Возникнувъ рядомъ съ нимъ даже по времени и составляя лишь частный отдѣлъ общаго ученія объ эволюціи органической жизни вообще, она раздѣляетъ всѣ слабыя стороны и недомолвки, но и всѣ крѣпкія, здоровыя стороны этого ученія. Даже со стороны степени вѣроятности объ гипотезы равнозначны другъ другу.

Развитіе приведенныхъ общихъ положеній и составляетъ детальную сторону ученія Спенсера.

При этомъ вся его работа сводится, въ сущности, на то, чтобы доказать двѣ вещи (но двѣ вещи огромной важности):

1) существованіе въ разныхъ представителяхъ животнаго царства параллельныхъ соотношеній между тремя сторонами органической жизни, формой тѣла, тѣлесными и психическими отпращиваніями, по степени сложности, разнообразія и опредѣленности ихъ частныхъ проявленій, и—

2) мысль, что во всемъ ряду животныхъ, включая сюда и человѣка, типъ эволюціи остается для всѣхъ трехъ сторонъ въ общихъ чертахъ одинъ и тотъ же.

По счастью, объ эти цѣли могутъ быть достигнуты сразу или, по крайней мѣрѣ, посредствомъ изученія одного и того же матеріала. Такъ, если расположить животное царство въ восходящемъ порядкѣ и сопоставлять его представителей другъ съ другомъ со стороны постепенно усложняющейся матеріальной организаціи, со

стороны усложняющихся физиологических отправлений и, наконец, со стороны усложняющихся психических дѣятельностей, то получаются три параллельныхъ ряда, звенья которыхъ представляютъ фазисы прогрессивнаго развитія всѣхъ трехъ проявленій животной органической жизни; и типъ эволюціи выясняется тогда изъ разсматриванія звеньевъ каждаго ряда въ отдѣльности. Если же сопоставлять другъ съ другомъ соотвѣтствующія звенья всѣхъ трехъ рядовъ, то разрѣшается вопросъ о параллельности развитія матеріальной организаціи, тѣлесныхъ и психическихъ отправленій.

Не нужно, однако, забывать, что преемственная связь между членами животнаго ряда составляетъ гипотезу; поэтому при установкѣ общаго типа эволюціи крайне важно пользоваться всѣми извѣстными частными случаями не гипотетическихъ прогрессивныхъ превращеній въ животномъ царствѣ, лишь бы фазисы ихъ были доступны наблюденію и анализу.

Въ этомъ смыслѣ значительной подмогой служить изученіе исторіи развитія зародыша у животныхъ. Здѣсь въ сравнительно очень короткій срокъ развивается цѣлый сложный организмъ изъ такой простой исходной формы, какъ яйцо.

Другой не гипотетическій циклъ преемственныхъ превращеній, содержащій крайне важныя указанія на общій типъ умственной эволюціи человѣка, представляетъ преемственное и прогрессивное развитіе знаній въ культурныхъ расахъ, насколько фазисы этихъ превращеній сохранились въ лѣтописяхъ науки.

Наконецъ, третій несомнѣнно прогрессивный циклъ превращеній составляетъ умственное развитіе индивидуальнаго человѣка отъ рожденія до зрѣлости. Но для насъ этотъ именно циклъ и стоитъ подъ вопросомъ; поэтому мы не только не станемъ призывать его на помощь при разрѣшеніи вопроса объ общемъ типѣ и факторахъ органической эволюціи, но будемъ считать этотъ циклъ пока неизвѣстнымъ.

Типъ эволюціи зародыша у высшихъ животныхъ (такъ-называемая исторія развитія зародыша) установленъ въ общихъ чертахъ очень ясно, если имѣть въ виду исходную форму—яйцевую клѣтку и результатъ—развившійся организмъ. Превращеніе заключается здѣсь прежде всего въ увеличеніи массы на счетъ матеріала, притекающаго пассивно. Но это не простое нарастаніе вещества; оно связано съ процессомъ размноженія клѣточныхъ элементовъ и собираніемъ ихъ въ нарастающее число группъ или системъ, причѣмъ элементы претерпѣваютъ различныя ряды превращеній и принимаютъ, въ концѣ-концовъ, тѣ отличительные морфологическіе признаки, которыми характеризуются элементы тканей и органовъ готоваго живот-